

Кардифф прежде был столичным чиновником, но уже вышел в отставку и вернулся в родные края. Узнав вест о том, что на одном из островов нашли золотоносную землю, он загорелся этой идеей и отправил доха — вскормленного в его особняке бойца — вместе с толпой дворовых слуг на остров, чтобы огородить себе участок. С другой стороны, Версаль из поместья тоже происходил из влиятельного рода; обе стороны стояли друг друга и годами вели скрытую борьбу, поддерживая на острове хрупкое равновесие сил.

Аман и Шимо привели Лэ Кэ на Ферму Кардифф. У главных ворот шла проверка, но поскольку Аман и Шимо уже дослужились до управляющих, стражники не стали допытываться и пропустили их по заведённому порядку. Трое прошли по тропинкам внутри поместья и добрались до зала совещаний. Хозяин, господин Кардифф, вчера уехал с острова и отсутствовал в поместье, а главный управляющий Доха предавался уединению в тихой комнате и никогда не вмешивался в мелкие дела и суету. Аман и Шимо выразили почтение заместителю управляющего Тало и доложили, что поймали беглого раба.

Заместителю управляющего Тало было около сорока с лишним лет. На его смуглом и иссушенном лице читалось полное безразличие; услышав доклад Шимо, он даже не приподнял век, лишь махнул рукой:

— Отведите его получить одежду и отправляйте работать в поле, запишите в твой отряд.

Лэ Кэ ничего не оставалось, как поклониться в знак благодарности. Вдвоём они вышли из зала: Аман вернулся к своему отряду, а Шимо повёл Лэ Кэ по извилистым коридорам к кладовой, где тот расписался в ведомости, получил комплект грубой одежды и пару соломенных лаптей. Лэ Кэ держал их в обеих руках, и только они вышли за дверь, как навстречу им шла служанка. Она сказала Шимо:

— Шестая госпожа услышала, что привели нового раба, велела привести его для допроса.

Вдвоём они направились за ней во внутренние покои. Шимо вполголоса предупредил Лэ Кэ:

— Когда господина нет дома, всем заправляет Шестая госпожа. Нрав у неё суровейший, чуть что не по ней — сразу бьёт или бранит. Служи ей аккуратно и смотри не рассерди.

Вскоре они добрались до внутренних покоев. Шимо не смел войти и остался стоять у дверей, а Лэ Кэ перешагнул порог. Комната оказалась старинной, изысканно обставленной. Вокруг стола из красного дерева с резными узорами из трав сидели четверо молодых и ярко одетых женщин, игравших в кости под непрекращающийся смех.

Служанка отошла в сторону. Лэ Кэ не умел кланяться по правилам и просто стоял молча, как вдруг одна из женщин подняла голову — лицом она была весьма хорошенькой. Окинув Лэ Кэ взглядом с ног до головы, она протянула:

— Ой, откуда этот беглый раб? До чего же пригожий!

Остальные три женщины, услышав это, тоже подняли головы. Все они были молоды и красивы, каждая по-своему. Лэ Кэ подумал, что та, что заговорила, скорее всего, и есть Шестая госпожа.

Он слегка согнулся в пояснице, кивнул и произвёл:

— Большое спасибо Шестой госпоже за похвалу! Я только что прибыл, и в дальнейшем очень рассчитываю на вашу заботу!

Шестая госпожа замерла, а затем залилась нежным мелодичным смехом. Видя, с каким серьёзным видом он это говорит, три остальные женщины тоже не смогли удержаться от улыбки, и в комнату разом словно вернулась весна. Одна из девушек, помладше возрастом, произнесла:

— Шестая сестрица, по-моему, он похож на какого-то избалованного книжника, какой из него работник-раб?

Сидевшая рядом женщина чуть постарше перехватила разговор:

— Восьмая сестрица, тут ты не знаешь. Ничего удивительного, если он раб — мало ли отпрысков из чиновничьих семей, совершивших проступок, ссылают в рабство? Взять хотя бы Вивиан...

Женщина внезапно осеклась, сообразив, что сболтнула лишнего. Улыбки сошли с лиц всех женщин, а Шестая госпожа помрачнела и прикрикнула:

— Что за неотесанный малец откуда ни возмись, ни стыда ни совести! Вылез непонятно из какой глуши, и весь в грязной одежде — живо снимите с него, нечего пачкать мой пол!

Служанка откликнулась и подскочила, чтобы стянуть одежду. Лэ Кэ мгновенно пробрало холодом: Шестая госпожа изначально хотела лишь немного унизить его, чтобы продемонстрировать свой нрав, но никак не ожидала, что под единственной верхней одеждой у него ничего нет и его обнажённое тело предстанет во всей красе.

Женщины вытаращили глаза. Хотя Лэ Кэ уже несколько дней вёл первобытную жизнь без одежды, оказаться окружённым толпой женщин, разглядывающих его со всех сторон, ему довелось впервые. На душе у него стало смутно и тревожно, но, к счастью, в руках оставалась только что полученная одежда, которой он прикрыл самые интимные места.

Взгляд Шестой госпожи метнулся туда-сюда, и она велела:

— Подайте полученную одежду сюда, я хочу посмотреть на её качество.

Служанка шагнула вперёд, силой вырвала одежду из рук Лэ Кэ и преподнесла её Шестой госпоже. Та машинально приняла её, но на ткань даже не взглянула — её прекрасные глаза были прикованы исключительно к Лэ Кэ.

Молодое, полное сил и энергии тело Лэ Кэ предстало во всей красе, его юная кожа светилась и отливала здоровьем. Все четыре женщины смотрели на него во все глаза, слегка покусывая губы, а на их лицах читалась неприкрытая жадность.

Лэ Кэ вмиг всё понял: госпожи жили в роскоши, как раз находясь в том возрасте, когда страсть бьет через край, а старик Кардифф уже не справлялся и, разумеется, не мог их удовлетворить. Изголодавшись по ласкам, они неожиданно увидели лакомый кусочек, и жадный аппетит выдал себя сам.

Одна из женщин вдруг прикрыла рот рукой и хихикнула. Только после этого звука остальные дабы будто очнулись от заклинания. Шестая госпожа с улыбкой указала на неё пальцем:

— Это Восьмая госпожа.

Затем она указала на двух других женщин, представляя их:

— Это Пятая и Седьмая госпожа.

После этого она посмотрела на Лэ Кэ и сказала:

— А я — Шестая госпожа. Запомни: впредь будешь слушаться нас, иначе... Э, да, как тебя зовут?

Лэ Кэ назвал своё имя, и Шестая госпожа продолжила:

— Каким бы ни было твоё прошлое, я не стану расспрашивать. Даже если ты сын какого-нибудь князя, попав сюда, обязан послушно повиноваться. А если ты будешь непослушным... такую-то амбалистую здоровую бабёнку нам ещё как удержать...

Заметив, что она отвлеклась и несёт бог знает что, Восьмая госпожа резко дёрнула её за рукав. Шестая госпожа поняла, что сболтнула лишнего, и поспешно замолчала. Внезапно в комнате воцарилась абсолютная тишина — лишь бесстыдные взгляды госпож продолжали шарить по телу Лэ Кэ.

Лэ Кэ не выдержал этих дразнящих ласк и быстро отреагировал: всё внутри зашевелилось, и истинно мужское начало готово было вырваться наружу. Четыре госпожи одновременно восхитились и обрадовались, и всё уже грозило выйти из-под контроля, как вдруг из-за двери раздался почтительный голос:

— Шимо по приказу привёл нового раба на полевые работы и ждёт окончания вопросов госпожи.

Шестая госпожа пришла в себя и машинально отозвалась:

— Спросили... спросили уже, веди... веди его.

Шестая госпожа вернула Лэ Кэ новую одежду. Выставив напоказ всё своё смущение и не заботясь ни о чём, Лэ Кэ прямо в зале развернул одежду и, согнувшись в три погибели, торопливо стал облачаться в неё, снова вызвав у четырёх госпож приступ звонкого смеха. Лицо Лэ Кэ залилось краской.

Шимо долго ждал у дверей и, не дождавшись выхода Лэ Кэ, смутно расслышал, как госпожи за затворенной дверью перешучиваются и дразнят кого-то. Будучи человеком прямым, он решил, что дамы измываются над рабом, и сильно встревожился. Переборов себя и рискуя навлечь на себя гнев господ, он попытался выручить Лэ Кэ, но сам при этом покрылся холодным потом.

Увидев вышедшего Лэ Кэ, они в спешке покинули внутренние покои. Шимо утешил его:

— Ты здесь новенький, господам непременно нужно было показать тебе свой нрав, но дальше всё будет хорошо.

Лэ Кэ на словах соглашался, а про себя думал: если бы не твой окрик, я бы уже полез на рожон, и еще неизвестно, кто кому тут норов стал бы показывать! Но вслух этого он не произнёс. Лэ Кэ чувствовал, что четыре госпожи ведут себя столь дерзко и развязно, во-первых, из-за отсутствия Кардиффа, а во-вторых, из-за жестокой нехватки мужского внимания. Поэтому он испытывал к ним скорее сочувствие, чем отвращение, и не стал обижаться на то, что они его фактически облапали.

Ближе к полудню Шимо повёл Лэ Кэ обедать. Лэ Кэ про себя опасался: неужели снова кормить будут одной капустой? Вскоре они добрались до столовой для рабов на южной стороне поместья. Столовой её можно было назвать с натяжкой — это был лишь убогий бамбуковый навес, куда отряды рабов заводили старшие управляющие. Каждый раб получал свою порцию в миске, выстраивался в очередь, после чего рассаживался прямо на земле под навесом и принимался уплетать за обе щеки.

Шимо и остальные слуги имели более высокий статус и обедали не в общем навесе. По указанию Шимо Лэ Кэ досталась большая бадья коричневого риса, покрытая сверху ломтиками огурцов. Он пришёл в дикий восторг и, уплетая за обе щеки, наелся досыта.

Лэ Кэ невольно проникся мыслью: вот уж поистине, стоило с трудом пробиться в рабы, как настала хорошая жизнь — и одежда есть, и еда.

<http://bllate.org/book/22005/2287724>